

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/517/27

Тактические приемы назначения исследовательских следственных действий

Рамиль Линарович Ахмедшин^{1, 2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

² *Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия*
^{1, 2} *ramil_ahmedshin@mail.ru*

Аннотация. Раскрывается комплекс проблем, связанных с тактико-криминалистической оптимизацией назначения исследовательских следственных действий. Выдвигается тезис о явной недостаточности тактических рекомендаций в области назначения рассматриваемой группы следственных действий. В статье проводится грань между научными тактическими приемами исследовательских следственных действий и техническими рекомендациями, построенными на бытовой логике. Основной акцент сделан на описании тактических приемов выбора лица, обладающего специальными познаниями.

Ключевые слова: экспертиза, эксперт, специалист, заключение, компетентность, тактика, назначение экспертизы

Для цитирования: Ахмедшин Р.Л. Тактические приемы назначения исследовательских следственных действий // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 241–248. doi: 10.17223/15617793/517/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/27

Tactical methods of assigning investigative actions

Ramil L. Akhmedshin¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation*
^{1, 2} *ramil_ahmedshin@mail.ru*

Abstract. The article reveals a set of problems associated with tactical and forensic optimization of assigning investigative actions. The range of problems affects the methodological, historical, forensic and psychological aspects. The subject of the study was a set of tactical and forensic methods for organizing the conduct of an examination and research of a specialist. The following general scientific methods were used in the study: analysis, synthesis, system-structural. The following specific scientific methods were used in the study: experiment, included observation, modeling, expert assessment. The article received a number of the following conclusions. Today, forensic tactics are clearly lacking in tactical recommendations in the field of investigative actions. There is a distinction between scientific tactical methods of investigative actions and technical recommendations based on everyday logic. This division is based on the answer to the question "how to do it?" in tactical methods, or the answer to the question "what to do?" in recommendations based on everyday logic. Formulating questions for an expert and a specialist is not a tactical method, since the most effective way to formulate questions for an expert is to use special reference literature. A recommendation on the advisability of making a decision on the sufficiency of the volume of objects sent for examination is not a tactical method. The concept of sufficiency is difficult to formalize and, as a result, does not contribute to understanding the necessary volume of materials presented. In the group of tactical methods in the field of assigning examinations, the most promising is the development of tactical methods for choosing a person with special knowledge. We find it difficult to name the states that optimize the professional potential of a person as clearly as the circumstances that destabilize it. All the recommendations given in the article may not be relevant in a situation where the investigator does not have the opportunity to choose the person conducting the investigative actions. However, they remain relevant in any case when assessing the results of the investigative action. The said relevance stems from the context of the individual characteristics of the person with special knowledge. In general, the result of the study was a set of tactical recommendations aimed at optimizing the appointment of investigative actions.

Keywords: examination, expert, specialist, conclusion, competence, tactics, appointment of examination

For citation: Akhmedshin, R.L. (2025) Tactical methods of assigning investigative actions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 241–248. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/27

Говоря о назначении исследовательских следственных действий (ИСД), вероятно, необходимо затронуть ряд рекомендаций, которые в силу простоты не являются в чистом виде тактическими приемами, базируясь на бытовой логике, однако они направлены на решение задачи назначения ИСД, а значит, их следует упомянуть, просто технически.

– «Этика обязывает следователя, судью приглашать в качестве экспертов компетентных, принципиальных, честных и не заинтересованных в исходе дела (гражданского, уголовного) лиц» [1. С. 117]. Хотя здесь, возможно, рациональнее говорить не об этике, а о здравом смысле.

– Следователь, дознаватель до вынесения постановления о назначении экспертизы должны: удостовериться в личности лица, которому поручается проведение экспертизы, выяснить его отношения с подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим и лицом, подвергаемым экспертизе, проверить наличие оснований для отвода эксперта.

– При назначении конкретного эксперта или экспертов рекомендуется учитывать обстоятельства, исключающие участие этих лиц в производстве по уголовному делу [2. С. 188].

– «При назначении комплексной экспертизы в постановлении отражаются вопросы, ответы на которые (или хотя бы на один из них) должны дать два и (или) более эксперта разных специальностей» [3. С. 59].

– Важно особое внимание уделять тактике подготовки материалов и получения сравнительных образцов.

Формулировка вопросов для эксперта и специалиста также не является тактическим приемом, так как наиболее эффективный способ формулировки вопросов эксперту – это задействовать специальную справочную литературу [4].

Также не стоит полагать тактическими рекомендациями следующие советы, построенные на бытовой логике и/или вытекающие из процессуальных правил, например:

– совет о целесообразности перед направлением объектов на экспертизу провести их предварительное исследование в целях определения круга вопросов;

– совет о контрпродуктивности постановки перед экспертом вопросов, имеющих правовую природу и/или выходящих за пределы его компетенции;

– рекомендация о том, что направляемые на экспертизу вещественные доказательства и сравнительные образцы должны быть доброкачественными, четко обозначены и описаны в постановлении о назначении экспертизы;

– рекомендация о том, что все образцы, направляемые на экспертизу, должны отвечать требованиям достоверности происхождения, сравнимости (свойство, определяющее возможность использования образцов для сравнения), воспроизводимости (свойство полного и точного отображения идентификационных признаков в образцах), неизменности (свойство стабильности отображенных признаков длительное время).

Не является тактическим приемом рекомендация о целесообразности принятия решения о достаточности объема объектов, направляемых на экспертизу.

Понятие достаточности трудно формализуемо и, как следствие, не способствует пониманию необходимого объема представляемых материалов. Не является тактическим приемом предостережение о нецелесообразности направления на исследование излишнего количества объектов, особенно если оно сопутствует формулировке вопросов по отношению к каждому из объектов независимо от связи с делом. Без сомнения, рациональное зерно в этой рекомендации есть, но оно не детализируется на уровне «как?», а значит, тактическим приемом не является. Сказанное относится и к рекомендации при назначении экспертизы предусмотреть возможность и границы экспертной инициативы. Да, и одна из главных рекомендаций в области назначения экспертиз, а именно рекомендация о необходимости выраженной «целесообразности» принятия решения о проведении судебной экспертизы, также скорее добрый совет на уровне бытовой логики, так как в силу общности слабо формализуема.

Из всех «общих» рекомендаций следует выделить, пожалуй, только ту, которая плохо встраивается в систему профессиональных воззрений лица с юридическим образованием и/или иерархическим мышлением. Речь идет о целесообразности в постоянном консультировании со сведущими лицами на предмет получения информации, которая доказательством пусть и не станет, но позволит более эффективно получать доказательственную информацию. Речь идет о перманентности консультирования со специалистами в отношении назначения и оценки результатов ИСД.

Следователю, прокурору, судьбе трудно признать, что понимание проведенного специалистом или экспертом исследования, скорее всего, выходит за пределы их познаний и даже представлений. Особенно это характерно для естественных и точных наук, но и гуманитарные науки (кроме правовых и философских) сегодня достаточно математизированы.

У работников правоохранительных и судебных органов часто создается ложное впечатление, что если они поняли логику выводов экспертного заключения, то они понимают и процесс, в ходе которого эти выводы получены. Это категорически не так. Выводы экспертом и специалистом формулируются в простой и даже примитивной форме, доступной для последующей оценки несведущим лицом. Логика исследования намного сложнее, хотя бы из-за комплекса понятий, имеющих различную содержательную нагрузку, например, в разных научных областях или даже направлениях. Вспомним ранее описанное идентичное понимание содержания понятия «компетентность» в академической криминалистике и понятия «компетентность» в сфере администрирования образовательных стандартов.

Любой шаг, направленный на прямое или косвенное взаимодействие со специалистом или, тем более экспертом, должен осуществляться после консультаций со сведущими лицами/лицом, специалистами не в процессуальном смысле этого термина. Крайне желательно, чтобы одно из этих лиц имело глубокие профессиональные познания в данной сфере, а второе имело бы достаточный опыт в привлечении данного знания в процесс расследования.

Таким образом ситуация с «арсеналом» тактических приемов, направленных на тактико-криминалистическую оптимизацию ИСД, еще более проблемна, чем кажется на первый взгляд. Однако говорить о незначительности тактического потенциала назначения ИСД все-таки не стоит.

Системообразующая при назначении ИСД тактико-криминалистическая рекомендация была в свое время сформулирована основателем криминалистической науки и касалась объема представляемой исследователю информации.

«Часто приходится встречать утверждения, что эксперту нет дела ни до чего, кроме исследуемого им предмета: например, предъявляя ему рану, требуют, чтобы он высказал заключение своё не только о свойстве повреждения, последствиях его и времени извлечения, но и об орудии, которым она была нанесена, о положении обвиняемого при нанесении и о способе нанесения. Эти лица забывают, какие трудности представляют подобные случаи и упускают из виду, что самые разнообразные причины часто сопровождаются одинаковыми последствиями. Когда же научно образованный эксперт ознакомлен со всеми сопровождавшими события преступления обстоятельствами, прочёл показания свидетелей, видел предполагаемое орудие преступления, ... взвесив всевозможные комбинации, имея перед собой полную картину событий, он выскажет суждение своё смелее, совершеннее и, что важнее всегда – кратко, без лишних слов.» [5. С. 185–186].

Именно в рамках реализации данной рекомендации тактически целесообразно формулировать дополнительный вопрос лицу, проводящему ИСД, безотносительно вида (предмета) исследования: имеется ли среди представленных материалов информация, противоречащая выводу эксперта, и как это объясняется экспертом? Кстати, этот вопрос не является ловушкой для эксперта, ведь известно, что «факты и фактические данные, которые исследуются экспертом с целью установления новых фактов, не представляют собой однородную структуру» [6. С. 24–25]. Скорее, для следователя получение ответа на данный вопрос – это повод усилить доказательственную базу в отношении спорно трактуемого обстоятельства.

При назначении экспертизы необходимо просчитать тактическую целесообразность присутствия на проводимом ИСД третьих лиц. Следователь решает этот вопрос исходя из двух положений:

– Имеется ли доступ во время производства экспертизы на место проведения для третьих лиц, безопасно ли там их присутствие?

– Не осложнит ли присутствие третьего лица саму возможность проведения экспертного исследования? Так, при проведении судебно-психологической экспертизы по делам о разводе и определении места жительства ребенка при раздельно проживающих родителях присутствие третьего лица достижению психологического контакта с ребенком точно будет препятствовать, что сделает невозможным проведение экспертизы.

– Не противоречит ли присутствие третьего лица сохранению врачебной тайны? Скорее всего, врачебная тайна будет нарушена при присутствии третьего

лица на исследовании в процессе проведения судебно-психиатрической экспертизы.

Имеет смысл тактическая рекомендация предоставлять на экспертное исследование не весь имеющийся объем объектов, а примерно две трети от него (естественно, если подобное деление возможно). Оставшаяся часть целесообразно зарезервировать для проведения повторной или дополнительной экспертизы.

Вышеприведенные примеры, конечно, имеют выраженную тактико-криминалистическую природу и, что более важно, ценность, однако основная доля тактико-криминалистической оптимизации лежит в области тактических приемов выбора эксперта/специалиста.

Уже говорилось, что фигура эксперта в рамках современной парадигмы сведена к его функции, что абсолютно неверно. Нельзя развести личностную и профессиональную составляющую, не говоря уже о составляющей ситуационной. Исходя из перечисленных структур, характеризующих личность носителя специальных знаний, рассмотрим содержание тактических приемов выбора эксперта. Отметим, что до тех пор, пока результат академических дискуссий о «компетенции» эксперта не реализуется в централизованных базах данных, «риск» выбора носителя специальных познаний будет на следователе. Впрочем, если следователь способен системно изучить информацию о подследственном, обычно ему активно противостоящем, то информацию о носителе специальных знаний он получит с меньшими затратами усилий. Для уменьшения степени этого риска рассмотрим содержание отдельных структурных составляющих личности носителя специальных знаний.

Компетентностно-составляющая структура личности носителя специальных знаний

Анализируя источники знаний и навыков лица со специальными познаниями, необходима некоторая иерархизация рассматриваемых категорий. Прежде всего, не стоит переоценивать фактор образования, во всяком случае высшего. Образование – фактор спорный, выступающий, скорее, не критерием осведомленности, а точкой начала суждений о носителе специальных познаний. Сказанное касается как высшего образования, так и наличия ученых степеней и званий.

Первым признаком достаточной компетентности выступает отсутствие узкой исследовательской специализации человека. Позволим обратиться к идеям Д. Даймонда о том, что видовые признаки человека – умение пользоваться огнем, изготавливать орудия труда, обучаться в зрелом возрасте, самостоятельно создавать себе среду обитания [7]. В контексте рассматриваемой темы способность к обучению в зрелом возрасте выступает, пожалуй, самой энергозатратной и малокультивируемой. Гомеостаз как потребность психики находиться в энергоэкономном состоянии приводит к нежеланию значительного количества людей обучаться новому в зрелом возрасте, следовательно, обладание человеком компетентностью в нескольких сферах свидетельствует о его высоком профессионализме.

К тому же «ученые констатируют, что на современном этапе возникла потребность во владении экспертами не какой-то одной специальностью, но и основами смежных отраслей, необходимых для проведения конкретного вида исследования» [8. С. 75]. При выборе эксперта следователю целесообразно присмотреться к фактам профессиональной переподготовки, как выраженности профессионального развития.

Способность к обучению в зрелом возрасте может быть направлена не только вширь, но и в глубину. Неудивительно, что одним из критериев профессионализма выступает периодическое обновление знаний и навыков в процессе профессиональной подготовки. Следует, однако, отметить, что практика повышения квалификации работников в государственных учреждениях часто идет по предельно лицемерному пути, ставящему целью получение сертификата о повышении квалификации, а не повышение компетентности. Конечно, любое новое знание не дает «заснуть» мозгу, однако далеко не всегда предопределяет его развитие. С учетом сказанного необходимо понимать, что повышение квалификации работника только тогда свидетельствует о его профессиональном росте, когда оно напрямую относится к достаточно узкой области исполняемых обязанностей. Например, эксперт в области судебного почерковедения, без сомнения, станет более компетентным, прослушав медицинские курсы об атрофии мышц или о нарушении психических процессов, которые предопределяют деавтоматизацию почерка. Хотя, конечно, для такого эксперта курсы повышения квалификации, на которых происходит обмен опытом, более целесообразны.

Свидетельством непрерывающегося роста профессионализма, конечно, выступают научные публикации. Однако, учитывая негативный опыт академического сообщества, в котором часто практикуется публикация ради публикации, чтобы отчитаться по наукометрическим показателям, для практикующих работников алгоритм оценки публикации несколько иной. Публикационная активность практического работника должна оцениваться по следующим критериям:

- Наличие в публикации анализа эмпирических данных, конкретного случая или предметных рационализаторских предложений, направленных на решение прикладной задачи.

- Наличие в публикации оформленного вывода о целесообразности того или иного способа решения проблемы.

- Публикация в соавторстве должна оцениваться через призму обратно пропорциональному статусу автора – чем ниже статус (прежде всего должностной), тем больший вклад в публикацию презюмируется. Объясняется это практикой ведомственных, в большей степени, и академических, в меньшей степени, исследователей брать в соавторство (нагрузку) «начальство».

- Наличие общего исследовательского (тематического) вектора, достаточно незначительно варьирующегося в публикациях, разделенных небольшим временным промежутком.

Может показаться, что к практическим работникам предъявляются более высокие требования, чем к академическим исследователям. Вероятно, это не так.

Современный работник вуза – это, скорее, преподаватель, который часто не имеет времени для набора эмпирического материала, а следовательно, вынужденный писать о «вообще», рассуждая о природе и сущности явления и формируя «академический шум». Практический работник, если это не офисный деятель, в своей практической деятельности объективно формирует индивидуальную эмпирическую базу, которую, если он является профессионалом, он способен проанализировать в научном сообщении.

Естественно, не все практические работники, являющиеся носителями специальных познаний, характеризуются публикационной активностью, но те, которые ею характеризуются, предположительно имеют более высокий уровень профессионального понимания и мастерства. Причины отказа от публикационной активности у практических работников кроются не только в лени, но и в нерешительности перед новой деятельностью, ну и конечно в недостаточности профессионализма, а именно в невыраженной способности анализировать полученный практический опыт.

Вероятно, правильному выбору следователем эксперта также может способствовать его профессиональная репутация. Однако и здесь все не так просто. При оценке профессиональной репутации необходимо помнить, что в современной культуре существует одно из системообразующих правил, получившее название «правило Матфея», открытое Л. и М. Физерами в 1944 году и приписываемое Р. Мертоу. В современной социологии оно известно как «эффект Матфея». «...Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф.25:29).

Эффект Матфея – феномен неравномерного распределения преимуществ, при котором сторона, уже ими обладающая, продолжает их накапливать и приумножать, а другая, изначально ограниченная, оказывается обделена ещё сильнее и имеет меньшие шансы на дальнейший успех. Если говорить простыми словами, то это естественное приписывание части успеха тем, кто уже добился успеха. Поэтому высокорепутационные личности переоцениваются, а некоторые низкорепутационные выражено недооцениваются. Таким образом, согласно «эффекту Матфея», анализ профессиональной репутации как достойной более оптимален если репутация медианальна и не тяготеет к экстремумам.

С высокой степенью вероятности можно оценить эксперта по результатам ранее проведенных им экспертиз. Данную информацию следователю легко получить от коллег. Естественно, неструктурированная оценка, полученная даже от коллег-профессионалов, не обладает высокой ценностью. Поэтому предлагается алгоритм, который позволит оперативно оценить профессиональные качества носителя специальных познаний третьими лицами, которые сталкивались с оцениваемым в своей профессиональной деятельности.

Мы выделили пять структурных элементов деятельности носителя специальных познаний, находящих отражение в процессе проведения ИСД:

– Категоричность. Категоричность выводов в проведенном ИСД – это не столько характеристика достаточного объема представленных на исследование материалов и качества научно-методического обеспечения, сколько личностная особенность, свойственная лицам решительным, уверенным в себе, полагающим, что они справятся с комплексом негативных последствий своего поведения, если таковые наступят. Личностный фактор здесь может победить фактор среды, и тогда даже эксперт-медик может сформулировать категорический ответ в неоднозначной ситуации, несмотря на свойственную этой профессии конформность и опаску перед принятием нестандартного решения.

– Полнота. Способность к полному и всестороннему исследованию в рамках ИСД говорит о трудолюбии носителя специальных познаний в первую очередь и о его общей компетентности во вторую. Как правило, одно вытекает из другого, поэтому лица, склонные к объемному исследованию, легко вычисляются посредством подсчета среднего объема (в страницах) экспертного заключения или заключения специалиста. Как правило, концепции «лучше меньше, но лучше», «в природе буквально ничего не цветет круглый год, поэтому не требуй от себя того же», «пусть трактор работает, он железный» отстаивают не склонные к трудолюбию лица, формируя простейшую генерализацию (неосознанное выдвигание ложной аргументации с целью не допустить анализа своей личностной проблемной составляющей).

– Оперативность. На первый взгляд лицо со специальными познаниями, способное быстро провести ИСД, окружающими характеризуется повышенной экстравертностью. Считается, что быстрота в проведении ИСД – это скорее черта личности, которая сводится к способности активной, но непродуктивной деятельности. Как правило, такая оценка лицу дается более «медленными» окружающими. На самом деле в практической деятельности оперативность – это проявление способности к планированию и эффективному использованию ресурсов, прежде всего временных. Часть практических работников (в любой сфере), дойдя до достаточно высокого уровня профессионализма, перегорают или переходят на неторопливый и, по их мнению, «качественный» профессиональный ритм, который характеризуется прежде всего энергоэкономичностью. Другая часть, не избежав потребности в энергоэкономичности, переводит свою деятельность (осознанно или нет) на уровень эффективных алгоритмов, которые нами ранее описаны, например, применительно к тактическим приемам планирования на базе достижения современного менеджмента. Именно вторая группа, как правило, и оценивается по результатам своей деятельности, как обладающая свойством оперативности.

– Креативность. Под креативностью понимают умение человека отступать от стандартных идей, пра-

вил и шаблонов. На первый взгляд, ИСД, ориентированные на формализованное исследование в рамках методического инструментария, которое сложилось в экспертной практике, не предполагают актуальность обладания креативностью лицом, имеющим специальные познания. Однако это не так. Конечно, в большинстве случаев нецелесообразно отказываться от методического инструментария, подтвержденного временем. Хотя это тоже спорное утверждение. Так, в практике проведения судебно-психологической экспертизы подавляющее большинство психодиагностических средств на современной российской выборке адаптацию не проходили, поэтому их ценность крайне спорна. А если копнуть глубже и выяснить, что часть из них адаптирована лишь к определенной возрастной группе, к определенной социокультурной группе, то их ценность становится скорее отрицательной. А ведь основанием для проведения дополнительной экспертизы является именно невозможность уяснения методики исследования, а для повторной экспертизы – случаи, в которых не применены или неверно применены необходимые методы и методики экспертного исследования (п. 13 и 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»). Никто не может помешать исследователю в процессе проведения ИСД вместе с рекомендуемыми методиками использовать новые. Это и выражает креативность носителя специальных познаний, а также выступает индикатором его потребности в профессиональном совершенствовании. Если же этого не происходит, то трудно не диагностировать «профессиональную усталость», а может быть, и «профессиональную ригидность» обладателя специальных познаний и навыков их использования.

– Иллюстративность. Краткость результатов ИСД – это, скорее, показатель «профессиональной усталости», а не некомпетентности лица. Совсем иную природу имеет уровень иллюстративности проведенного ИСД. В системе высшего образования наблюдается картина нежелания значительного количества преподавателей переходить на новые технические средства демонстрации представляемого студентам материала. Обычно это списывается на техническую косность психики пожилых лиц. Однако даже поверхностное исследование показывает, что подобное демонстрируют и многие молодые преподаватели. Причина в том, что, несмотря на профессиональные стандарты, многим преподавателям достаточно осознания, что в подаваемом материале они не видят неполноты и фрагментарности, а мысль о том, что необходимо взглянуть на подаваемый материал с позиции его получателя, им трудноприниимаема. Этот же феномен наблюдается часто и в практике производства ИСД, где эксперт излагает материал исходя из своего уровня познаний, который не предполагает детализацию проводимых действий и получаемых результатов с позиции получателя. Иллюстративность, как отображение письменной речи в неразрывном единстве с образным восприятием в виде рисунков, схем, таблиц, диаграмм и схем – это умение носителя специальных познаний довести до ад-

ресата содержание проведенного исследования не формально, а реально. Иллюстративность проведенного ИСД – это один из факторов профессионализма, который без сомнения говорит о компетентности лица в области проводимых исследований. Наличие у лица со специальными познаниями рассматриваемой способности легко установить, так как на фоне основной части лиц, привлекаемых к проведению ИСД, лица с этой выраженной способностью хорошо запоминаются теми, кто имел опыт работы с ними.

Без сомнения, все описанные структурные элементы системы «компетентность лица со специальными познаниями» могут найти выражение вовне и с иной мотивацией, однако, как бы неприятно это ни звучало, психологическая основа каждого из рассмотренных элементов часто достаточно примитивна и мономотивирована.

Индивидуально-психологическая структура личности носителя специальных знаний

Сразу оговоримся, что психотипологические особенности личности в рассматриваемой системе мы не затрагиваем, так как они будут описаны в отдельной работе. Индивидуально-психологические особенности личности, обладающей специальными познаниями для криминалистов, актуальны и как в аспекте внутреннего убеждения эксперта [9. С. 331], так и в аспекте результативности исследовательской деятельности. В отношении второго аспекта отмечалось, что два исследователя из одного факта могут сделать разные выводы, что объясняется различным фоном исследования, под которым понимаются факты эвристического процесса, связанные как с опытом конкретного исследователя, так и с особенностью психического склада его личности [10. С. 369].

Что же еще входит в структуру тактико-криминалистических особенностей лица-носителя специальных познаний, помимо его характерологических особенностей, выраженных в его типе личности? Речь идет об обстоятельствах, проистекающих из социализации личности в различных сферах, т.е. факторов, модифицирующих (усиливающих или ослабляющих) типологические особенности личности.

Как ни странно, много об эффективности профессиональной деятельности человека говорит его семейный статус. Несмотря на то, что гиперреализации в избранной сфере на уровне исторических фигур добивались, как правило, лица, имеющие проблемы в семейных отношениях, данный факт критерием объективного не является, так как в большинстве случаев так называемые исторические фигуры по структуре своей личности близки к личностям выражено психопатичным. Мы не будем аргументировать данное положение и ссылаться на толпы великих, просто присоединимся к мнению К. Ясперса [11]. У нормально развитой личности, в рамках которой не актуально решать вопрос о корреляции между симптомами шизотипического расстройства личности и её креативностью, дело обстоит с точностью до наоборот.

Адаптация человека в трудовом коллективе – процесс непростой, но доступный нормальной личности и, вероятно, представляет проблему либо в случае дефектности самого коллектива, либо в силу социопатичности личности адаптирующегося. В трудовом коллективе приоритетна реализация трудовой функции, поэтому в плане личностных особенностей коллектив можно ввести в заблуждение. Создать же адаптивную, но фальшивую роль в семейных отношениях доступно ничтожному меньшинству. Подавляющее большинство людей в рамках семьи понижают планку волевого контроля, а значит, отыгрывать искусственную личность не могут. Притворяться в семье долго невозможно.

Следовательно, реализующийся семейный статус – это показатель способности человека к интегрированности в малую группу, способности предельно примитивной, исходя из человеческой природы (если, конечно, опираться на эволюционную теорию). И это мы еще не говорим о том, что семейное взаимодействие усиливает способности волевого контроля и ролевого поведения в межличностных отношениях. Человек, неспособный или малоспособный к интеграции в малую группу (в нашем случае – семью), по умолчанию не обладает стабильной психикой, а значит, его эффективная реализация в профессиональной деятельности также потенциально невысока. Еще раз оговоримся: речь не идет о лицах с выраженными симптомами шизотипического расстройства личности как следствии её креативности.

Сегодня в нашей стране, несмотря на эффективные препоны со стороны государства (признание сообществ экстремистскими), многими сообществами активно ведется пропаганда антисемейных ценностей. Конечно, нельзя сказать, что все источники подобной пропаганды принадлежат пропагандистской машине парафилического движения, ведь среди авторов постов, роликов и стримов встречаются просто инфантильные личности или личности, генерализирующие свой неудачный сексуальный или семейный опыт. Тем не менее пропаганда антисемейных ценностей, как правило, имеет выражено парафилическую природу. В целом брак – это своеобразный тест на инфантилизм.

Индустриальное общество всегда предпочитало семейного человека одиночке не только потому, что на семейного человека можно оказать усиленное давление со стороны властных или провластных структур, но и потому, что как производящая единица семейный человек более эффективен. Несемейный человек в меньшей степени склонен контролировать свою деятельность не на уровне поведения, а на уровне установок, выраженных в ценностях, отношениях и притязаниях. Все сказанное естественно относится к носителю специальных познаний. Дискуссионен, пожалуй, только тезис: в той ли степени не нахождение в браке понижает компетентность специалиста, так же как и любого другого человека, или же у носителя более развитой психики, у носителя специальных познаний это выражено сильнее. Сказанное становится тем актуальнее, чем больше возраст человека.

Пусть и неоднозначно, но справедливо утверждение, что отношение человека с детьми (особенно возрастными) есть показатель пластичности его психики, гибкости его мировосприятия и повышенной способности к волевому контролю. Дети, в силу различий в мировосприятии разных поколений и небольшого жизненного опыта, не склонны к реальным компромиссам в отношениях с взрослыми родителями. Следовательно, хорошие отношения человека со своими детьми есть показатель его выраженных способностей к описанным реальным компромиссам, показатель гибкости его психики. Носитель же специальных познаний, не обладающий гибкой психикой, крайне ненадежен, если приходится принять нестандартное, рискованное решение или решение, основанное на небольшом количестве фактов – это предельно значимо для лица, проводящего ИСД.

При выборе эксперта, обладающего специальными знаниями, в контексте подготовки к проведению ИСД, необходимо применительно к выбранному кандидату выяснить наличие у него профессиональных конкурентов, которые, как правило, характеризуются достаточно высоким уровнем недоброжелательности. Вполне возможно, будет целесообразно привлечь их в качестве экспертов для оценки результатов проведенного ИСД, а в идеале – его исследовательских этапов. Уже на рассматриваемой стадии необходимо выяснить у компетентных в этом лиц (в контексте проводимого ИСД): наличие в регионе научных школ, факты их конкуренции за исследовательские гранты, принадлежность к одним или различным профессиональным сообществам (ассоциациям, коллегиям, университетским исследовательским коллективам). Представителей различных школ также можно будет впоследствии привлечь в качестве сторонней оценки результатов ИСД.

Индикатором профессионального мастерства нередко выступают слухи, которые ходят о лице-носителе специальных познаний. Анализировать слухи необходимо через призму понимания того, что социальная конкуренция формирует значительное количество слухов в отношении лиц, которым завидует их окружение, и формирует незначительное количество слухов о социальных аутсайдерах. Конечно, нужно учитывать, что слухи формируются прежде всего из-за роли лица в социально-групповой иерархии и только во вторую очередь из зависти к профессиональным навыкам лица. Хотя на сегодняшний день рыночные отношения в индустриальных государствах объективно генерируют культуру невысокого уровня профессионализма работников, поэтому баланс роли и навыков, скорее, приближается к паритету.

Также об успешности человека свидетельствуют написанные на него доносы, особенно анонимные. Добавим к ранее сказанному о доносах, что доносы, имеющие авторство, говорят, скорее, о зависти к человеку со стороны среднего и высшего уровня той структуры, в которой он работает, а анонимные доносы, как правило, свидетельствуют о зависти к работнику со стороны его подчиненных. Сказанное объясняется потребностью в безопасности для доносчика с низким

статусом и неактуальностью этого для доносчиков со средним и высоким статусом.

Ситуационно-поведенческая структура личности носителя специальных знаний

При выборе лица, обладающего специальными познаниями, необходимо принимать во внимание не только личностные особенности, проявляющиеся стабильно, но и такие модели поведения, которые определяются ситуационной составляющей. Таким образом, при выборе эксперта и специалиста необходимо принимать во внимание громадное количество факторов, среди которых, на наш взгляд, наиболее значимы следующие:

– Состояние депрессии (психическое состояние, основными признаками которого являются тревожное или безразличное настроение и снижение или утрата способности получать удовольствие).

– Состояние дипсомании (состояние, возникшее в силу длительного употребления спиртных напитков, характеризующееся непреодолимой тягой к спиртному).

– Состояние перевозбуждения (состояние, в котором реакции возбуждения превышают средние показатели по интенсивности, продолжительности и частоте). Состояние перевозбуждения может происходить не только из негативной составляющей стрессора (прежде всего, конфликтов), но и из его позитивной составляющей. К примеру, в ожидании отпуска, переезда или повышения по служебной лестнице человек склонен формально относиться к завершаемым проектам.

– Состояние утомления (состояние, возникающее в результате интенсивной или продолжительной работы и сопровождающееся снижением физической работоспособности). Причиной состояния утомления часто выступает избыточная загруженность лица, о которой можно легко узнать от его окружающих.

– Состояние болезни или периода, в котором происходит восстановление после болезни.

Вышеперечисленные состояния мы попытались ранжировать по степени декомпетентизации, то есть потенциального понижения компетентности в силу внешних факторов стрессовой природы. К сожалению, назвать состояния, которые оптимизируют профессиональный потенциал личности, так же однозначно, как и обстоятельства, ее дестабилизирующие, мы затрудняемся.

Мы были вынуждены, порой, делать выводы из материи, традиционно не относящейся к криминалистике, но в случаях, когда оценивается личностный фактор, не может быть неактуальной информация о личности, независимо от науки, изучающей данную особенность.

В качестве вывода заметим, что все приведенные выше рекомендации могут быть неактуальны в ситуации, когда у следователя нет возможности выбора лица, проводящего ИСД, но они в любом случае остаются актуальными при оценке результатов проведенного ИСД в контексте индивидуальных особенностей лица, имеющего специальные познания.

Список источников

1. Червонцева К.Б. Нравственные основы судебно-экспертной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 166 с.
2. Мань Ч.В. Тактика назначения судебно-почерковедческой экспертизы в Социалистической Республике Вьетнам // Криминологический журнал. 2022. № 4. С. 186–189.
3. Орехова Е.П. К вопросу о тактике назначения комплексных экспертиз // Традиции и перспективы развития криминологической тактики. Минск : БГУ, 2017. С. 59–60.
4. Экспертизы на предварительном следствии : краткий справочник / под общ. ред. В.В. Мозякова. М. : ГУ ЭКЦ МВД России, 2002. 120 с.
5. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминологии. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с.
6. Седнев В.В. Гносеологический анализ независимости и объективности судебного эксперта // Криміналістичний вісник : наук.-практ. зб. Киев : ЕлітПрінт, 2010. № 1 (13). С. 19–28.
7. Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ. М. : АСТ, 2024. 768 с.
8. Горошко Е.Ю. К вопросу о компетентности экспертов при проведении комплексных исследований // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. № 9-1. Барнаул : БЮИ МВД РФ, 2009. С. 75–76.
9. Аубакирова А.А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения : дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. 512 с.
10. Поля Д. Математика и правдоподобные рассуждения. М. : Изд-во иностр. лит., 1957. 535 с.
11. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. М. : Академический проект, 1999. 240 с.

References

1. Chervontseva, K.B. (2011) *Nravstvennyye osnovy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti* [Moral foundations of forensic activity]. Law Dr. Diss. Moscow.
2. Man', Ch.V. (2022) *Taktika naznacheniya sudebno-pocherkovedcheskoy ekspertizy v Sotsialisticheskoy Respublike V'etnam* [Tactics of appointing a forensic handwriting examination in the Socialist Republic of Vietnam]. *Kriminalogicheskij zhurnal*. 4. pp. 186–189.
3. Orekhova, E.P. (2017) *K voprosu o taktike naznacheniya kompleksnykh ekspertiz* [On the tactics of appointing comprehensive examinations]. In: *Traditsii i perspektivy razvitiya kriminalisticheskoy taktiki* [Traditions and Prospects for the Development of Forensic Tactics]. Minsk: Belarusian State University. pp. 59–60.
4. Mozyakov, V.V. (2002) *Ekspertizy na predvaritel'nom sledstvii* [Examinations during Preliminary Investigation]. Moscow: GU EKTs MVD Rossii.
5. Gross, G. (2002) *Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley kak sistema kriminalistiki* [Handbook for Forensic Investigators as a System of Forensic Science]. Moscow: LeksEst.
6. Sednev, V.V. (2010) *Gnoseologicheskij analiz nezavisimosti i ob'ektivnosti sudebnogo eksperta* [Epistemological analysis of the independence and objectivity of a forensic expert]. *Kriminalistichnyy visnik*. 1 (13). pp. 19–28.
7. Daymond, D. (2024) *Ruzh'ya, mikroby i stal': istoriya chelovecheskikh soobshchestv* [Guns, Germs, and Steel: The History of Human Communities]. Moscow: AST.
8. Goroshko, E.Yu. (2009) *K voprosu o kompetentnosti ekspertov pri provedenii kompleksnykh issledovaniy* [On the issue of expert competence in conducting complex research]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. 9-1. pp. 75–76.
9. Aubakirova, A.A. (2010) *Sledstvennye i ekspertnye oshibki pri formirovaniy vnutrennego ubezhdeniya* [Investigative and expert errors in the formation of inner conviction]. Law Dr. Diss. Chelyabinsk.
10. Polia, D. (1957) *Matematika i pravdopodobnye rassuzhdeniya* [Mathematics and Plausible Reasoning]. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
11. Yaspers, K. (1999) *Strindberg i Van Gogh* [Strindberg and Van Gogh]. Moscow: Akademicheskij proekt.

Информация об авторе:

Ахмедшин Р.Л. – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.L. Akhmedshin, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.06.2025;
одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 24.06.2025;
approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 29.08.2025.*